

Константин Труфанов

**ПРОТОКОЛ
317**

НАЧАЛО

ХРАНИТЬ ВЕЧНО
ДЕЛО № 317
СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

18+

Константин Труфанов

Протокол 317. Начало

<https://litres.ru/74570828>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1972 году молодые сотрудники милиции верят, что смогут защищать людей и добиваться справедливости. Но преступления, оставшиеся без наказания, и личные потери постепенно меняют их представления о допустимом.

Сначала — найти виновного. Затем — собрать сведения. Потом — вынести собственный приговор. Из отдельных решений рождается «Протокол 317»: система, в которой помощь пострадавшим становится всё труднее отделить от мести и борьбы за власть.

Годы спустя шестнадцатилетняя Катя начинает работать в ленинградском архиве. Несоответствия в документах приводят её к вопросам, на которые знакомые взрослые не хотят отвечать. Её поиски угрожают людям, давно привыкшим хранить свои секреты.

Третья книга цикла — история возникновения «Протокола 317». Приквел рекомендуется читать после романов «Протокол 317» и «Московский сектор».

Содержание

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЫ	4
Часть первая. Первая дружба	4
Часть вторая. Общежитие	11
Часть третья. Первое утро	14
ГЛАВА 2. ТРАГЕДИЯ МЕТРОНОМА	26
Часть первая. Жена	26
Часть вторая. Палата №317	43
Часть третья. Встреча и рождение Протокола	48
ГЛАВА 3. ТРАГЕДИЯ ТЬМЫ	55
Часть первая. Сестра	55
Часть вторая. Справедливость	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Константин Труфанов

Протокол 317. Начало

ГЛАВА 1. ИДЕАЛЫ

Часть первая. Первая дружба

Осенью 1972 года в Ленинградской школе милиции окна ещё не заклеили на зиму. От стекла тянуло, и курсанты, ожидавшие приёма, держались у противоположной стены. На паркете оставались мокрые следы. Уборщица прошла по ним тряпкой, велела следующему вытереть ноги и поставила ведро под подоконник. Над ним висел плакат с призывом к бдительности; от сырости нижний угол отклеился.

Владимир Серов стоял у окна с предписанием о зачислении. Ему было двадцать. Он приехал из деревни под Новгородом и пока не знал, куда девать вещмешок. Дома всё казалось проще: поступить, выучиться, стать похожим на участкового дядю Колю. Тот умел разнять пьяную драку у сельмага, почти не повышая голоса. Володя помнил, как мужики прятали от него бутылки и, ворча, расходились.

Новая форма тянула в плечах, ботинки жали в подъёме. Серов переступил с ноги на ногу и ещё раз посмотрел на

дверь, за которой принимали документы.

— Эй, друг!

К нему шёл широкоплечий парень с мокрой фуражкой в руке. На ходу встряхнул её, забрызгав паркет, и виновато оглянулся на уборщицу.

— Не подскажешь, куда бумажки сдавать? — Парень протянул руку. — Я уже на склад попал. Там сказали, мне рано за шваброй.

Серов пожал ему руку. Ладонь была широкой, с твёрдыми мозолями у основания пальцев.

— Направо, потом на второй. Мне так сказали.

— Ну, пошли проверим. Сергей Ковалёв, из Уфы. Училище строительное закончил, три года отработал. Хватит. А ты откуда?

— Володя. Из-под Новгорода.

— Из-под — это откуда именно? У меня на стройке двое новгородских были. Один всё звал в гости, а адреса так и не оставил.

Ковалёв говорил чуть громче, чем требовалось в пустом холле. Серов понял, что тот тоже волнуется, и сразу стало легче. Они поднялись на второй этаж и заняли очередь у таблички «Приём документов». Ковалёв успел спросить у впереди стоящего, где кормят, а у следующего — выдали ли ему простыни.

У двери стояла невысокая девушка с туго собранными тёмно-русскими волосами. Она держала папку под мышкой и

проверяла, всё ли убрала со стола. Когда Ковалёв попытался заглянуть в кабинет через её плечо, обернулась.

— Извините, — сказал он. — На заселение здесь?

— Сначала документы сдайте.

— Татьяна Светлова, — представилась она. — Я уже закончила. Проходите.

Ковалёв вошёл. Серов остался у двери. Девушка посмотрела на вещмешок в его руке.

— Владимир Серов, — сказал он. — Из-под Новгорода.

— Я здешняя. Если понадобится дорога, спрашивайте.

— Таня, ты всё? — позвали из коридора.

Подошёл молодой человек в очках с тонкой металлической оправой. Папку он держал обеими руками; пальцы лежали ровно вдоль сгиба. Татьяна кивнула ему.

— Да. Знакомлюсь.

— Леонид Родионов, — сказал он Серову.

Ковалёв вышел из кабинета и подхватил разговор:

— Значит, вместе учиться. Сергей. Володю уже знаешь?

Он хотел хлопнуть Родионова по плечу, но тот отступил, пропуская следующего в дверь.

— Знаю. Тебе что сказали про общежитие?

— Сорок седьмая комната. Володе тоже. А тебе?

— Другая. Завтра увидимся на построении.

Родионов посмотрел на часы. Серов подумал, что тот уже знает расписание, которое им ещё не успели выдать.

Из-за поворота появилась девушка в гражданской куртке.

Каштановые волосы растрепались, на щеке осталась капля дождя.

— Тань, нашлись документы! — сказала она. — Лежали в другой папке. А меня второй раз послали справку приносить.

Она перевела дыхание и оглядела незнакомых людей.

— Добрый день! — сказала она. — Я Анна, подруга Тани. Вы ведь тоже на следователей?

Ковалёв назвал себя и Серова. Анна улыбнулась; Володя, приготовившийся пожать ей руку, почему-то передумал и переложил вещмешок в другую.

— Вам далеко ехать было? — спросила она.

— Ночь.

— Я из-за справки дольше бегала. Таня сказала, успею. Вот и успела.

Она коснулась его локтя, пропуская в коридоре курсанта с большим свёртком. Серов отступил вместе с ней, хотя места уже хватало.

— Володя, тебе ещё документы сдавать, — напомнил Ковалёв.

Серов покраснел. Тот сделал вид, что ничего не заметил.

— Ладно, молчу, — сказал Ковалёв, хотя всё ещё улыбался.

Леонид посмотрел на часы и первым пошёл к выходу. Остальные двинулись за ним. Анна рассказывала Татьяне о пропавших документах. Володя шёл рядом, дожидаясь паузы, чтобы спросить её о библиотеке.

На крыльце они остановились под козырьком. Дождь почти кончился. Анна проверила часы и потянула Татьяну за рукав.

— Вы завтра сюда же? — спросила Анна. — Тогда увидимся. Таня, подожди меня.

Они ушли вдвоём. Серов проводил Анну взглядом и задержался на ступеньке, пока Ковалёв не позвал его обратно.

У противоположной стены холла стоял молодой человек в штатском. Он сверился со списком и сделал пометку: «Серов В., Ковалёв С., Родионов Л., Светлова Т. Перспективные. Наблюдение продолжать».

Максиму Ушакову было двадцать три. После окончания Высшей школы КГБ он получил одно из первых заданий и выполнял его старательно. В блокноте не осталось ни шутки Ковалёва, ни смущения Серова. Только фамилии.

Вечером Ушаков переписал наблюдения начисто. В кабинете, где ему выделили стол, было холоднее, чем в школьном холле. Он оставил пиджак на плечах и положил рядом два листа: свой черновик и выданный образец.

В образце не было места для разговора целиком. Требовались сведения, вывод и предложение. Максим несколько раз возвращался к слову «перспективные». Оно выглядело уверенно, но объяснять его пока было нечем.

Старший сотрудник прочитал запись и постучал ногтем по строке.

— Для чего перспективные?

Ушаков перечислил успеваемость, характеристики, поведение.

— Успеваемости ещё нет. Они только пришли.

— По прежним документам.

— Так и пишите.

Максим исправил.

О Ковалёве он отметил общительность. О Родионове — стремление держаться отдельно. Старший спросил, сколько времени он наблюдал. Ушаков назвал.

— За это время человек мог просто торопиться домой.

Максиму не понравилось замечание. Внешне он никак этого не показал, взял ручку и уточнил формулировку.

— А Серов? — спросил сотрудник.

— Поддерживает контакт с группой. Внимателен к Лебедевой.

— И что?

Ушаков замолчал.

— Вы видели молодых людей в коридоре. Не надо по одной улыбке писать биографию.

После его ухода Максим перечитал лист. Уточнения делали текст слабее на вид, хотя точнее по существу. Он поймал себя на желании оставить прежние формулировки в личном блокноте, где никто не станет требовать основания для каждого слова.

Так и сделал.

Внизу, возле фамилии Серова, написал: «Потребность в

признании». Подумал и добавил вопросительный знак. Возле Ковалёва оставил короткую записку о готовности вступить в разговор. Родионов пока не поддавался понятному определению, и это раздражало больше всего.

На следующий день Ушаков увидел их у выхода после занятий. Ковалёв придерживал дверь, пока Серов поправлял ремень сумки. Родионов что-то объяснял Татьяне, она перебила, он с досадой поправил очки. Через минуту оба засмеялись.

Вчерашняя строка об отчуждённости не подходила. Максим исправил её в служебной записи. В личном блокноте оставил: хотел ещё понаблюдать.

Ему было легче считать, что первое впечатление нуждается в подтверждении, чем признать, что оно могло быть неверным. Пока разница касалась нескольких строчек о незнакомых курсантах.

Часть вторая. Общежитие

Общежитие находилось на Петроградской стороне, в старом доме с высокими окнами. На потолке коридора сохранилась лепнина. Ковалёв задрал голову, разглядывая её, и едва не врезался в дежурную, которая несла стопку белья.

В комнате №47 стояли две железные кровати, тумбочки и общий стол под выцветшей клеёнкой. Окно выходило во двор. Кто-то курил внизу, переговаривался с человеком на другом этаже; каждое слово было слышно так, будто говорили за дверью.

В первый вечер они пили чай из алюминиевых кружек. Кипяток набрали из титана в коридоре. Ковалёв достал завёрнутую в газету банку мёда и протянул ложку Серову.

— Башкирский. Из Уфы вёз.

— Сам покупал?

— Воспитательница передала. Я перед отъездом к ней заходил. Говорит, от вашей сырости поможет.

Серов положил немного в чай. Запах напомнил о доме. Мать на вокзале всё поправляла ему воротник и спрашивала, положил ли он тёплые носки. Сейчас он не помнил, в какой карман их сунул.

— Спасибо. А я только книги взял. И бельё.

— Бельё не еда, — сказал Ковалёв. — Тут ещё сухари есть. Доставай, если захочешь.

Он помолчал, вращая кружку на столе.

— Я ведь не только от стройки устал.

Серов подождал. Ковалёв больше не улыбался.

— Рассказывай, — сказал он просто.

Тот придвинул к себе банку, но ложку не взял.

— Брат у меня был. Петька. Младший. Ему шестнадцать, мне двадцать. Возвращался с танцев с Люсей. Трое привязались. Его избили. Её... тоже. Она потом показания давала. Петька умер.

Серов поставил кружку. Не знал, что сказать, и побоялся произнести что-нибудь ненужное.

— Один из комсомольских, второй с роднёй в райкоме, третий — сын прокурора. Люся их назвала. Потом в деле оказались другие. Я стоял в суде и слушал. Всё вроде про Петьку, а люди не те.

Ковалёв поднёс чай ко рту и тут же отставил.

— Ты поэтому в милицию?

— А куда ещё? Снаружи стоять и ждать, пока скажут: разберёмся?

Серов посмотрел на свои бумаги, сложенные у стены. Утром ему казалось, что поступить — уже половина дела.

Ковалёв встал и достал из вещмешка конверт.

— Вот. Чтобы не думал, будто я себе придумал.

На любительской фотографии стояли трое парней с бутылками пива. Один прикрывал лицо от объектива, двое улыбались. Серов посмотрел на оборот: фамилии были под-

писаны карандашом.

— Найду, — сказал Ковалёв, забирая снимок. — Не сейчас. Когда смогу.

Он спрятал фотографию обратно и задумался. Тишину нарушал только ветер за окном да редкие голоса из коридора.

— Слушай, а ты веришь, что мы сможем что-то изменить? — спросил Ковалёв. — Что не станем винтиками в системе?

— Попробовать надо, — ответил Серов. — Иначе зачем приехали?

Разговаривали до полуночи. Ковалёв разложил на столе карту Ленинграда, но дороги так и не посмотрели. Когда легли, он вдруг сказал:

— Обычно я это не рассказываю.

— Спи, — ответил Серов. — В шесть поднимут.

— Не напоминай.

Ковалёв затих почти сразу. Серов ещё лежал, прислушиваясь к голосам во дворе. Потом проверил, где будильник, и повернулся к стене.

Часть третья. Первое утро

— Подъём! Построение через десять минут!

Ковалёв накрыл голову подушкой.

— На стройке и то позже вставал.

— Вставай, — сказал Серов, натягивая брюки.

В умывальной толпились курсанты. Вода была ледяная. Через несколько минут они стояли во дворе, ещё не привыкшие к своей форме и месту в строю. Начальник школы, полковник Громов, обошёл ряды.

— Здесь будете учиться. И отвечать за то, что сделали. Запомните с первого дня.

После завтрака начались занятия. Подполковник Смирнов объяснял состав преступления. Ковалёв нарисовал на полях тетради человека с огромными очками и показал Серову.

— Узнаёшь?

Серов спрятал улыбку за ладонью.

На перемене он увидел Анну у окна. Она читала Блока и загнула угол страницы, заметив его.

— Как первое утро?

— Короткое. Только лёг, уже подняли.

Ковалёв прошёл мимо, успев толкнуть Серова плечом.

Анна рассмеялась и показала раскрытую книгу. Они поговорили о стихах, потом о городе: она советовала места, ку-

да можно прийти в свободный день. Когда прозвенел звонок, Серов не сразу двинулся с места.

— Иди, — сказала она. — Ещё опоздаешь из-за меня.

Вечером Ковалёв застал его над раскрытой тетрадью: записано было только число.

— Всё об Анне?

— Тебе какое дело?

— Да никакого. Только спросил.

Серов повернул страницу, будто собирался писать дальше.

В дверь постучали. На пороге стояла Татьяна.

— Можно на минуту?

Она вошла, оглядела комнату и остановилась у стола. Её взгляд упал на Серова.

— Ты вокруг Анны не ходи так. На неё уже смотрят.

— Как — так? — спросил Серов.

— Она замужем, Володя. У них с Михаилом маленькая Катя. Анна со всеми приветливая. Ты себе чего придумал?

Серов почувствовал, как загорелись уши.

— Ничего я не придумал.

— Тогда хорошо. И не надо решать за неё, от кого её защищать.

Татьяна вышла. Ковалёв посмотрел на дверь, потом на Серова и промолчал.

Володя сел обратно за стол. Ему хотелось рассердиться на Татьяну, но она не сказала ничего, с чем можно было спо-

ритель.

— Я и не собирался никуда за ней ходить, — сказал Серов. Ковалёв кивнул.

— Я понял.

Серов взял ручку. На следующий день ему предстояло учиться рядом с Анной и вести себя так, будто сегодняшний разговор ничего не изменил.

Через неделю Смирнов принёс на занятие лист с описанием короткой ссоры. Прочитал вслух и убрал бумагу. Сказал записать, что произошло.

Ковалёв закончил первым. Откинулся на спинку стула, посмотрел на Серова, который ещё выводил последнюю строку.

— Что там писать столько?

— Не помню, кто подошёл первым.

— Мужик в пальто.

— В рассказе пальто не было, — сказала Татьяна с соседнего ряда.

Ковалёв нахмурился.

Смирнов собрал несколько тетрадей и начал читать ответы без фамилий. В одном появился мужчина в пальто, в другом — пьяный, в третьем — человек с ножом. Ножа он тоже не называл.

— Откуда взялся? — спросил преподаватель.

Никто не ответил.

— Ссора, вечер, кто-то держит руку в кармане. Остальное

додумали.

Родионов поднял руку.

— Но человек мог его держать.

— Мог. Что записано у меня?

Леонид посмотрел на свой лист.

— Рука в кармане.

— Вот с этого и начните.

Ковалёв вычеркнул пальто. Серов заметил, что тот нажимает на ручку так, будто виновато само слово.

После занятия спор продолжился в коридоре. Леонид считал, что преподаватель намеренно дал неполное описание. Татьяна ответила, что полные описания существуют только там, где их заранее сочинили.

— А решать всё равно придётся, — сказал Родионов.

— Да. Но можно сначала спросить.

— И все тебе честно ответят.

Серов слушал, не вмешиваясь. Ему казалось, что каждый говорит о своей задаче. Леонид хотел получить порядок, в котором ответ можно вывести. Татьяна — не пропустить то, о чём умолчали. Ковалёв злился, потому что заранее увидел виноватого и теперь должен был признать, что поспешил.

— Я пальто убрал, — сказал он наконец. — Хватит уже меня хоронить.

Анна, подошедшая к ним после разговора с преподавателем, спросила:

— Какое пальто?

Ковалёв посмотрел на остальных и рассмеялся.

— Вот. Сейчас опять появится.

Они вышли во двор. Дождь закончился, на дорожке блестя лужи. Володя задержался, чтобы пропустить Анну вперёд, потом поймал взгляд Татьяны и пошёл рядом с Ковалёвым.

На следующем занятии их попросили разыграть беседу со свидетелем. Серов получил роль человека, у которого пропали часы. Ковалёв должен был задавать вопросы.

— Когда видел последний раз?

— Утром.

— Где оставил?

— На столе.

— Кто входил?

— Сосед.

— Ну вот.

Смирнов поднял голову.

— Что — вот?

Ковалёв замолчал.

Серову хотелось помочь ему. Он сам уже почти поверил, что воображаемый сосед украл воображаемые часы. Но на листке с заданием было написано другое: хозяин не проверил карман пальто, которое вчера надевал.

— Сосед зачем входил? — спросила Анна.

— Соль просил, — прочитал Серов.

— Дал?

— Не помню.

— А часы на руке были, когда искал соль?

Он заглянул в листок и улыбнулся.

Ковалёв заметил улыбку.

— Опять пальто?

Теперь засмеялся и преподаватель.

После занятий Сергей долго молчал. В общежитии достал фотографию людей, которых считал виновными в гибели брата, но показывать её не стал. Убрал обратно, прежде чем Серов успел спросить.

— С часами я дурака сваял, — сказал он.

— Все валяли.

— Не все. Родионов небось сразу понял.

— Он нож придумал.

Ковалёв коротко усмехнулся. Потом сел на кровать.

— С Петькой я ничего не придумал.

Володя отложил тетрадь.

— Я не говорил, что придумал.

— Знаю. Просто...

Он не закончил. Серов понял, как близко для него лежат учебный листок и та фотография. Разница существовала, но объяснить её товарищу в тот вечер он не сумел.

В свободный день Анна попросила Татьяну помочь донести книги. В библиотеке ей выдали больше, чем помещалось в сумку. Ковалёв услышал разговор и вызвался сам, заодно позвал Серова.

— Вчетвером? — спросила Анна. — Мы не библиотеку перевозим.

— Прогуляемся, — ответил Сергей.

Татьяна посмотрела на Володю. Он сделал вид, что занят ремнём вещевой сумки.

До дома шли пешком. Анна рассказывала, как Катя научилась хватать ткань и теперь не отпускает воротник. При слове «Катя» Серов поначалу вспоминал только сказанное Татьяной: Анна замужем. Потом начал слушать сам рассказ.

Михаил встретил их у двери с ребёнком на руках. Малышка смотрела поверх его плеча, открыв рот. Он попытался забрать у Анны книги свободной рукой.

— Не надо, — сказала она. — Сейчас уронишь кого-нибудь из нас.

Ковалёв подхватил тяжёлую стопку. Михаил отступил, пропуская их в квартиру, и ногой отодвинул маленькую табуретку, которая мешала пройти.

Володя поставил свою часть на стол и представился. Михаил пожал ему руку, насколько позволял ребёнок.

— Аня рассказывала. Вы вместе учитесь.

— Да.

Ничего недоброжелательного в его тоне не было. Серову от этого стало ещё неловче.

Татьяна забрала Катю. Та сначала потянулась к матери, потом заинтересовалась пуговицей на Таниной одежде. Ковалёв наклонился, стал строить рожицу. Ребёнок нахмурил-

ся.

— Не понравился, — сказала Анна.

— У неё требования высокие.

Михаил предложил чаю. На кухне не хватало стульев, он принёс табуретку из прихожей и уселся на неё сам. Анна складывала книги, одновременно отвечала Татьяне и прислушивалась к дочери. Здесь она говорила быстрее, иногда не заканчивала фразы, потому что Михаил уже понимал, что нужно сделать.

Володя наблюдал за ними и впервые увидел, сколько жизни не помещалось в короткое «она замужем». Это была не преграда, поставленная лично перед ним. Просто дом, в котором он оказался гостем.

Катя заплакала. Анна поднялась, Михаил уже протянул чистую пелёнку. Татьяна продолжала спорить с Ковалёвым о какой-то прочитанной заметке. Серов заметил, что ему стало легче молчать.

Уходя, он предложил помочь с книгами в следующий раз.

— Спасибо, — сказала Анна. — Если понадобится, попрошу.

На улице Ковалёв некоторое время шёл рядом без обычных поддразниваний.

— Хороший у неё муж, — сказал он.

— Я видел.

— Ну и хорошо.

Володя ответил резче, чем хотел:

— Хватит со мной как с дураком.

Сергей остановился.

— Я не про тебя.

Они пошли дальше. Через квартал Серов извинился. Ковалёв отмахнулся, но некоторое время не говорил.

В общежитии Володя достал письмо из дома. Мать писала о дожде, картошке, соседке, которая просила узнать, далеко ли от школы до её родственников. В конце напоминала ответить дочери.

У Серова уже был короткий брак, о котором здесь он никому не рассказывал. Они с первой женой разъехались до его поступления. Дочь оставалась с матерью в другом городе. Володя отправлял деньги, начинал письма и всё время откладывал те, в которых нужно было написать больше двух строк.

Ковалёв увидел вложенную маленькую фотографию.

— Это кто?

Серов хотел убрать её сразу, но остановился.

— Дочь.

Сергей посмотрел на него.

— У тебя дочь?

— Есть.

— Чего молчал?

— Ты не спрашивал.

Ковалёв сел напротив.

— И жена?

— Мы разошлись.

Некоторое время было слышно, как в соседней комнате двигают кровать.

— Маленькая совсем, — сказал Сергей.

Володя забрал снимок.

— Я знаю.

Ему хотелось объяснить всё за один раз: как они ссорились, почему не сумели договориться, как легко из общих планов получились взаимные требования. Но ни одно объяснение не отвечало на вопрос, почему он не закончил письмо ребёнку.

Ковалёв подвинул к нему чистый лист.

— Пиши.

— Она ещё сама читать не умеет.

— Прочитают.

— Ты всё так просто решаешь.

— Это правда просто. Лист, ручка. С остальным сам разбирайся.

Серов рассердился, потом взял ручку. Начал с погоды и зачеркнул. Написал, что учится, что у него теперь товарищ из Уфы, который умеет чинить стулья и не умеет тихо смеяться.

— Это неправда, — сказал Ковалёв, заглянув через плечо.

— Не читай.

— Сам про меня пишешь.

Володя закрыл лист рукой. Впервые за вечер улыбнулся.

Письмо получилось коротким. Он не обещал приехать на ближайшие выходные: не знал, сможет ли. Попросил прислать новый снимок и передать дочери, что помнит её.

Ковалёв предложил утром сходить к почтовому ящику вместе. Серов сказал, что сам найдёт. Потом всё-таки дождался товарища.

В октябре они уже знали, где сушить мокрую форму и у кого брать иголку, если потерял свою. Родионов давал конспекты только с условием вернуть к вечеру. Татьяна возвращала раньше, Ковалёв — после напоминания. Анна однажды принесла тетрадь с пятном от детской смеси и так долго извинялась, что Леонид наконец махнул рукой.

— Текст читается.

— Я перепишу.

— Читается же.

Он сказал это сердито, однако больше о пятне не напоминал.

Когда занимались вместе, каждый привыкал к голосам остальных. Ковалёв отвечал слишком быстро, Серов искал точное слово, Татьяна спрашивала о пропущенном, Родионов возвращал разговор к схеме. Анна иногда останавливала спор простым вопросом о человеке, который в этой схеме почти исчезал.

Они ещё могли разойтись после ссоры и на следующий день сесть за один стол. Володя не считал это чем-то редким. Он только начинал понимать, сколько чужих решений теперь

зависит от того, умеет ли он слушать.

ГЛАВА 2. ТРАГЕДИЯ МЕТРОНОМА

Часть первая. Жена

Ленинград, 1972 год. Осень. Библиотека на Литейном проспекте.

Родионов пришёл в библиотеку после занятий. В школе милиции он учился всего месяц и ещё выписывал из рекомендательных списков почти всё подряд. Теперь стоял у каталога и пытался разобрать собственную запись. Девушка за стойкой посмотрела на него поверх стопки возвращённых книг.

— Мне Достоевский нужен, — сказал он. — «Преступление и наказание». С комментариями.

— Какое издание?

Леонид показал список. Она придвинула к себе лист и разобрала название раньше него.

— Вот это сейчас на руках, — сказала она. — Другое подойдёт?

— Подойдёт. Но и на это запишите, пожалуйста.

Она нашла книгу на полке и раскрыла формуляр.

— Фамилия?

— Родионов. Леонид.

Он смотрел, как она пишет. Когда та подняла голову, поспешно отвёл глаза.

— А вас как зовут?

— Настя.

— Анастасия?

— Да. Только так редко называют.

Она вписала дату возврата и придвинула книгу.

— Главное — вовремя принесите, Леонид.

Он вышел под дождь и только у остановки заметил, что не убрал книгу под плащ. Промок один угол. Родионов вытер его рукавом и решил, что вернуть нужно непременно вовремя.

Книгу он сушил в комнате, подложив чистые листы. Угол всё равно пошёл волной. Родионов решил заранее объяснить, как получилось, и несколько раз мысленно произнёс одну и ту же фразу. Когда пришёл возвращать, Настя выслушала и посмотрела на повреждённую страницу.

— Дождь?

— Да. Я не сразу убрал.

— Бывает. В следующий раз заверните.

Он ожидал упрёка и поэтому не нашёл, что ответить. Настя закрыла формуляр.

— Дочитали?

— Да.

— И комментарии?

— Не все.

— А вы так на них настаивали.

Леонид смутился. Она улыбнулась, но не так, будто поймавала на чём-то постыдном.

В следующий раз он принёс две книги и спросил, что она сама читает. Настя показала небольшой том стихов. Родионов начал говорить о размере, о построении строки, о том, что им объясняли на занятиях.

— Вы всегда сначала разбираете? — спросила она.

— В смысле?

— Я сначала читаю. Потом уже, если хочется, разбираю.

Он хотел возразить, но за его спиной образовалась очередь. Пришлось отойти. Он долго стоял у полки, делая вид, что выбирает книгу, пока очередь не закончилась.

— Вы что-то забыли? — спросила Настя.

— Нет. Хотел спросить... Вы когда заканчиваете?

Она посмотрела на часы.

— Через сорок минут. Только мне домой.

— Я могу проводить.

— Можете. Если не собираетесь сорок минут стоять возле стойки.

Леонид ушёл читать в зал. За сорок минут перевернул три страницы и не запомнил ни одной.

На улице Настя шла быстро. У неё была привычка ускоряться на переходах, даже когда торопиться не требовалось. Родионов подстраивался и несколько раз начинал вопрос,

который обрывался из-за шума трамвая.

Она рассказывала о работе. Один читатель каждый месяц брал одну и ту же книгу. Другой приносил записки с названиями, которых не существовало: путал две книги в одну. Настя не сердилась на него, искала по частям.

— А если он просто плохо помнит? — спросил Леонид.

— Так я про это и говорю.

Он засмеялся. Ему редко удавалось выглядеть растерянным и не злиться на свидетеля собственной растерянности.

У её остановки они простояли ещё несколько минут. Настя спросила о школе. Он рассказал про занятие, где все додумали лишнее в короткой истории. О собственной ошибке сначала умолчал, затем всё-таки назвал.

— Я бы тоже придумала, — сказала она. — Когда страшно, сразу хочется знать, кого бояться.

Родионов запомнил фразу. Позднее пытался спорить с ней, но в тот вечер просто проводил Настю до трамвая.

Зимой они встречались уже без книг. Иногда прогулка заканчивалась ссорой. Леонид любил уточнять то, что она сказала, пока Настя не теряла терпение.

— Я сейчас не показания даю.

— Я хочу понять.

— Тогда дай договорить.

Он учился останавливаться. Не всегда получалось. Однажды проводил её молча почти до самого дома, уверенный, что она должна извиниться первой. У двери Настя сказала:

— Ты идёшь рядом или конвоируешь?

Леонид сначала рассердился, потом увидел, что она еле сдерживает смех.

— Иду рядом.

— Вот и хорошо. До завтра.

В общежитие он вернулся довольным собой, хотя спор так и не выиграл.

1973 год. Весна. Парк на Крестовском острове.

Весной они гуляли на Крестовском. После первого визита Леонид стал заходить в библиотеку чаще; Настя однажды спросила, успевает ли он прочитывать всё, что берёт. Он признался, что нет. С тех пор можно было приходить без выдуманного списка.

Апрельский ветер тянул от воды. Настя застегнула пальто и продолжила рассказывать о читателе, который ругался из-за книги, хотя сам спрятал её на другой полке.

Леонид почти не слушал. Коробочка с кольцом лежала во внутреннем кармане уже две недели. Сегодня он решил спросить, пока снова не нашёл причины подождать.

— Настя. Постой.

Она остановилась.

— Что такое?

Он достал коробочку и едва не уронил.

— Выходи за меня.

Настя посмотрела сначала на кольцо, потом на него.

— Ты поэтому весь день молчишь?

Леонид кивнул. Она засмеялась и вытерла нос тыльной стороной ладони.

— Да. Я выйду.

Кольцо оказалось немного велико. Настя сжала ладонь, чтобы оно не соскользнуло, и сама поцеловала его. Потом они вернулись к трамваю, всё время оглядываясь друг на друга.

Поженились в том же году.

Свадьбу сыграли летом 1973 года. Леонид всё время проверял, не потерял ли документы. Настя дважды просила его перестать хлопотать по карманам, затем сама забрала конверт.

— Теперь я проверю. Один раз.

Ковалёв принёс букет, завёрнутый в бумагу, и долго искал, куда поставить его до начала. Серов держал чужую сумку, не помня уже, чью. Татьяна приехала с Ириной. Младшая Светлова рассматривала Настино платье и шептала сестре, что тоже хочет когда-нибудь такое.

— Ты школу сначала закончи, — ответила Татьяна.

— Я не сегодня.

Анна с Михаилом пришли позже. Катя спала у отца на руках и проснулась в самый тихий момент. Анна попыталась выйти, но Настя махнула ей: оставайтесь.

За столом не хватило одинаковых стульев. Один был ниже остальных, и на него сел Ковалёв.

— Мне как раз. Я и так высокий.

Он был не самым высоким, но спорить никто не стал.

Родионов приготовил несколько слов. Хотел поблагодарить всех, сказать о будущем, о том, как важно иметь рядом близкого человека. На второй фразе запнулся. Настя взяла его за руку под столом.

— Мы очень рады, что вы пришли, — сказала она за него.
— А Лёня сейчас перестанет волноваться и тоже поест.

Он покраснел. Потом рассмеялся вместе со всеми.

Позднее, когда гости начали расходиться, они остались вдвоём среди тарелок. Настя сняла туфли и села на пол, вытянув ноги. Леонид немедленно стал искать ей стул.

— Не надо. Я так хочу.

Он сел рядом.

Они обсуждали, кто что сказал, почему Ирина поссорилась с Татьяной из-за причёски и как Ковалёв пытался унести чужое пальто вместо своего. Про будущее почти не говорили: его уже было достаточно в каждом оставшемся предмете.

Настя посмотрела на кольцо.

— Оно всё ещё большое.

— Уменьшим.

— Только не забудь.

Он пообещал. Забыл, вспомнил через неделю и получил от неё записку: «Кольцо». Прикрепил над столом. Потом она добавила ниже: «Не только помнить. Сделать».

Они уменьшили кольцо. Записку Леонид почему-то сохранил.

1974 год. Коммунальная квартира на Васильевском острове.

Они сняли комнату на Васильевском острове. Кровать, стол и старый шифоньер заполняли почти всё пространство. Чтобы открыть нижний ящик, приходилось отодвигать стул. Настя наклеила внутри дверцы открытку и сказала, что теперь шкаф точно их.

Летом 1974 года Леонид окончил школу и получил назначение в следственный отдел. Возвращался поздно. Настя оставляла ему ужин в кастрюле на общей кухне, но часто не выдерживала и выходила посмотреть, не идёт ли он. На работе он сталкивался с делами, в которых свидетели меняли объяснения, а начальство требовало не торопиться с неудобными вопросами. Дома долго молчал, потом начинал рассказывать сразу обо всём.

Однажды он сказал:

— Хочу уйти. Может, потом преподавать. Здесь я всё время подписываю не то, что думаю.

— Совсем уйти? Ты ведь только начал.

— Достаточно увидел. Сегодня человек забыл всё, что говорил неделю назад. Смотрел на меня и повторял: показалось. А Семёнов кивал.

Настя выслушала. Поправила одеяло, сбившееся у его ног.

— Если уйдёшь, сначала найди, куда. Нам комнату оплачивать.

— Я найду, — сказал он. Помолчал и добавил: — Я ре-

бёнка хочу.

— Я тоже. Только комнату всё равно оплачивать.

Несколько недель спустя она сказала ему: «Лёня, я беременна».

Леонид отложил ложку. Посмотрел на неё, потом на тарелку, будто забыл, что собирался сделать.

— Правда?

Настя кивнула. Он поднялся и обнял её.

— Погоди, — сказала она, смеясь. — Ты мне дышать мешаешь.

Он отпустил, но держал за плечи, всё ещё разглядывая.

— Я хочу девочку, — сказала она. — И назову её Катей. Катя Родионова. Красиво звучит?

— Красиво.

В комнате они сначала пытались переставить мебель. Леонид нарисовал план, измерил стену, объявил, что кровать поместится возле окна. Настя напомнила, что от окна дует.

— Заклеим.

— А открывать?

Он посмотрел на рисунок и начал заново.

Из коридора заглянула соседка. Спросила, не собираются ли они шуметь весь вечер. Потом увидела план и стала советовать. Через десять минут в комнате обсуждали уже не место для кровати, а то, как кто-то растил двоих детей на меньшей площади.

Настя терпеливо слушала, пока советов не стало слишком

много.

— Мы пока только думаем, — сказала она.

После ухода соседки Леонид вытащил нижний ящик шкафа. Внутри лежали бумаги, старые конверты, тетради. Он отложил половину на кровать.

— Освободим.

— Ты потом всё вернёшь.

— Не всё.

Настя подняла одну тетрадь.

— Эту точно вернёшь. Ты вчера её искал.

Он забрал тетрадь и сам засмеялся.

Разговор о работе возник вечером. Леонид снова сказал, что хотел бы преподавать. Настя попросила объяснить, где именно и чему. Он назвал несколько вариантов, но ни по одному пока не узнавал.

— Тогда узнавай, — сказала она. — Я не против. Только пусть это будет место, куда ты идёшь, а не просто место, откуда уходишь.

Родионов обиделся. Ему казалось, она не понимает, что приходится терпеть в отделе. Он начал рассказывать о начальстве, о чужих распоряжениях, о том, что там нельзя работать честно.

Настя подождала, затем спросила:

— А сегодня ты сделал что-нибудь, чего сам не хотел?

— Сегодня нет.

— Тогда расскажи про сегодня.

Он сел. В тот день действительно удалось вернуть на проверку материал, где не хватало объяснения важного свидетеля. Родионов упомянул об этом вскользь, потому что результат казался маленьким рядом со всем остальным.

Настя заставила рассказать подробнее. Не восторгалась, не говорила, что теперь он спас систему. Просто слушала и уточняла, что будет дальше с человеком, о котором шла речь.

Позднее он пошёл мыть посуду. На общей кухне кто-то занял их место у раковины, пришлось ждать. Вернувшись, Леонид увидел Настю спящей поверх одеяла. Книга раскрылась на животе. Он осторожно вынул её и положил рядом.

План комнаты оставался на столе. Родионов передвинул на нём маленький прямоугольник кровати подальше от окна.

Они говорили о ребёнке всё чаще: куда поставить кровать, кто поможет, хватит ли денег. Леонид откладывал заявление об уходе. Работа теперь давала не только раздражение, но и зарплату, от которой они зависели.

В ноябре Настя не вернулась с работы.

Она предупредила, что задержится в библиотеке: готовили мероприятие. Дома Леонид сварил пельмени и накрыл их тарелкой. В девять прислушивался к каждому шагу за дверью. В десять позвонил в библиотеку.

Дежурившая сотрудница сказала, что Настя ушла около восьми. Леонид обзвонил знакомых, сообщил о её исчезновении в отдел и вышел искать. Прошёл обычный путь от

остановки к дому, потом поехал к библиотеке. Под утро ему передали, что на Крестовском острове нашли женщину с документами Насти. Он добрался туда, когда группа ещё работала.

У дорожки лежало её пальто. Он узнал крупную пуговицу, которую недавно пришивал сам: Настя смеялась, что он затянул нитку намертво.

Дальше лежала она. Леонид остановился, потом опустил-ся на колени. Кто-то говорил ему не трогать, но он уже коснулся её лица.

— Настя.

Его отвели в сторону. Он пытался объяснить, что она ждёт ребёнка, и повторял это, пока сотрудник не попросил принести ему воды. Только тогда Леонид понял, что говорит слишком громко.

К расследованию его не допустили. Майор Семёнов обещал сообщать о результатах. Леонид требовал показать ему материалы, сам разыскивал людей, которые могли видеть Настию. Через неделю возникла фамилия Алексея Громова — двадцатитрёхлетнего сына влиятельного партийного чиновника. Раньше его уже задерживали за насилие и хулиганство, но до суда дела не доходили.

— Его машину видели у парка, — сказал Родионов Семёнову. — Свидетель называл номер. И след на её сумке проверяли. Где результаты?

Семёнов не предложил ему сесть.

— Ты понимаешь, чью фамилию называешь?

— Понимаю. Мне ответ нужен.

— Иди домой, Лёня. Я сказал, сообщу.

Серов пришёл к нему через несколько дней после похорон. Принёс пакет с продуктами и сразу понял, что зря поставил его на стол: там уже лежали такие же, принесённые другими людьми.

Леонид сидел у окна. Перед ним стояла тарелка, которую он не убрал со вчерашнего вечера.

— Ты ел?

— Все спрашивают.

Володя снял пальто и повесил на единственный свободный крючок. Настино пальто висело рядом. Он не знал, куда смотреть, пока Родионов не заметил его замешательства.

— Не трогай.

— Я не трогаю.

Они долго молчали. Из кухни доносился шум воды. Соседи стали говорить тише с тех пор, как в комнате появился Леонид, но обычная жизнь всё равно проходила через тонкую стену.

— Семёнов тебе что-нибудь сказал? — спросил Родионов.

— Со мной он не обсуждает.

— А ты спрашивал?

Серов кивнул.

— И ушёл.

Володя сел напротив. Он хотел сказать, что не имеет до-

ступа, что по чужому делу нельзя просто взять материалы. Всё это было верно и сейчас прозвучало бы так, будто он объясняет, почему ничего не сделал.

— Я попробую ещё раз выяснить, кто принимает обращения, — сказал он.

— Не кто принимает. Кто читает.

Серов опустил глаза.

Ковалёв пришёл вечером. Сразу предложил пойти к свидетелю, который называл машину. Родионов оживился, достал записи, начал показывать адрес. Владимир спросил, откуда сведения.

— От людей, — ответил Сергей. — Не из воздуха.

— От каких?

Ковалёв посмотрел на него с раздражением.

— Опять сначала бумажку?

— Сначала понять, что нам сказали.

Родионов поднялся.

— Вы будете здесь спорить?

Оба замолчали.

До свидетеля он позднее добрался сам. Мужчина открыл дверь, узнал фамилию и сразу начал объяснять, что рассказал всё сотрудникам. Родионов спросил о номере машины. Тот отвёл глаза.

— Я мог ошибиться.

— Вы раньше говорили иначе.

— Потому и говорю сейчас.

Родионов стоял на площадке, упираясь ладонью в холодную стену. Ему хотелось прижать человека к каждому прежнему слову. Вместо этого спросил, кто приходил после первого разговора.

— Не надо ко мне больше, — ответил мужчина.

Дверь закрылась. Родионов ещё несколько секунд смотрел на неё, будто правильный вопрос мог заставить её открыться.

В библиотеке Настины коллеги собрали оставшиеся вещи. Отдали ему чашку, расчёску и книгу, которую она держала в шкафчике. Одна женщина попросила вернуть служебный ключ, если найдётся дома.

Он резко посмотрел на неё.

— Вам ключ сейчас нужен?

Она побледнела.

— Простите. Меня попросили спросить.

Леонид ушёл, не попрощавшись. Дома нашёл ключ в маленьком кармане её сумки и положил на стол. Рядом легла расчёска с несколькими волосами между зубьями. Он не смог взять её второй раз.

Через два дня отнёс ключ. Женщина, которую обидел, была на месте. Родионов протянул ей конверт.

— Вот.

Она поблагодарила.

Он хотел извиниться, но смог только сказать:

— Я тогда...

— Я понимаю.

Родионов покачал головой. Ему казалось, что никто не может понять, и одновременно хотелось, чтобы хоть один человек перестал смотреть на него с осторожностью.

Ночью он открыл ящик, который они освобождали для детских вещей. Там лежали его тетради. Он сам вернул их на место через несколько дней после перестановки, пообещав разобрать позднее.

Леонид вынул тетради и сложил на пол. Освободил ящик до конца. Потом сел рядом и не знал, что делать с пустым местом.

Утром написал очередное обращение. Сначала подробно изложил всё, что считал установленным. Прочитал и увидел, что несколько важных мест держатся на чужих словах, которые теперь отрицают. Он оставил их в тексте, указав, кто и когда говорил. Ещё надеялся, что точность заставит кого-нибудь ответить.

Ответа, которого ждал, не получил.

Родионов писал заявления, жаловался. Свидетель перестал быть уверен в номере машины. Материал для сравнения следа пропал. В приёмную Петра Громова его не пустили. Секретарь выслушал первые слова и вызвал охрану.

Вечером Леонид долго сидел в своей комнате. Настины вещи оставались там, где она их положила. Он достал пистолет, который должен был сдать после отстранения, и вышел из дома.

У подъезда его остановили трое в штатском.

— Родионов? Проедете с нами.

Часть вторая. Палата №317

Зима 1975 года. Психиатрическая больница под Ленинградом.

В палате №317 стояли железные кровати. За окном был двор, дальше — ограда. Леонид лежал здесь с конца прошлого года. Ему говорили об острой реакции на утрату, подозрительности, опасности для себя и других. Он просил объяснить, когда сможет выйти, но получал только: «Будет улучшение — обсудим».

Он принимал назначенные лекарства, ел, отвечал на вопросы. Некоторые дни вспоминал плохо. К вечеру садился возле окна и ждал, пока в коридоре станет тише.

В первые дни он не разговаривал с соседом по кровати. Тот задавал простые вопросы — откуда, долго ли здесь, приходят ли родные, — и раздражал именно простотой. Родионов отвечал односложно.

Позднее сосед перестал спрашивать и однажды предложил сыграть в домино. Леонид отказался. На следующий вечер согласился, потому что ожидание отбоя оказалось хуже игры.

Сосед считал очки медленно. Несколько раз ошибался, а когда Родионов поправлял, сердился. Потом проверял и соглашался.

— Ладно. Твои.

В одной партии Леонид тоже ошибся. Хотел пересчитать всё с начала, но сосед махнул рукой.

— Доиграем. Не на деньги.

Родионов смотрел на кости, разложенные между ними. За стеной кто-то звал медсестру. Она ответила, что сейчас подойдёт.

Здесь были люди, которые по ночам плакали, люди, которые молчали сутками, и те, кто охотно рассказывал чужим свою жизнь. Родионов поначалу искал в каждом признаки того, что его самого держат по ошибке: вот они больны, а он просто знает правду. Потом услышал, как сосед спокойно обсуждает с дочерью лекарства и домашние дела, и перестал быть так уверен в собственных быстрых выводах о других.

С врачом он спорил. Требовал назвать день выписки, объяснить, почему его письма не дают результата. Врач возвращался к вопросам о сне, намерениях и оружии.

— Вы собирались к Громову?

— Я собирался добиться ответа.

— С пистолетом?

Родионов замолкал. Ему казалось, что вопрос намеренно сводит всё случившееся к одному его поступку. Про Настю говорить было труднее: там не получалось держаться за чёткие формулировки.

Одна медсестра приносила ему бумагу. Говорила, что записывать можно, только нужно отдыхать. Он однажды спросил, читает ли она то, что лежит под матрасом.

— Я постель меняю. Бумаги ваши туда-сюда перекладывать неудобно.

Он стал убирать тетрадь заранее.

Серов приходил, когда разрешали свидание. Разговоры получались короткими. Володя спрашивал, что принести, Леонид — что происходит с делом. На второй вопрос Серов обычно не мог ответить так, чтобы не вызвать злости.

— Ты уже устроился? — спросил однажды Родионов о его работе.

— Работаю.

— Получается?

Владимир помолчал.

— Не всегда.

— Зато домой уходишь.

Серов принял упрёк молча. Уже перед концом встречи Леонид попросил принести книгу. Не юридическую и не о преступлении. Ту, которую Настя когда-то советовала прочесть.

Володя нашёл её не сразу. Когда принёс, Родионов долго смотрел на обложку, затем положил на колени и впервые спросил, как у Серова дома.

С другим пациентом Леонид разговорился у окна. Тот рассказывал о нападении на дочь и о том, что сделал после. Называл троих убитых. Говорил ровно, иногда останавливался и смотрел, слушает ли Родионов.

Леонид не видел ни его дела, ни приговора. Это он пони-

мал. Но рассказ давал то, чего не было в письмах из кабинетов: завершение. Человек называл виновных и утверждал, что наказал их.

Позднее Родионов поймал себя на том, что помнит этот рассказ лучше разговоров с врачом и соседом по кровати. В нём было меньше места для ожидания. Ему хотелось верить человеку, который говорил, будто уже закончил то, чего он сам добиться не смог.

Из умывальной доносился стук капель. Леонид считал их, потом сбивался. Настя занималась когда-то музыкой; у её знакомой стоял метроном, и Родионов помнил движение маятника. Теперь ему казалось, что такой же звук должен сопровождать фамилии людей, которых он не мог привлечь к ответу.

В тетради он написал одно слово: «Метроном».

Ниже поставил фамилию Громова.

Потом дописал фамилию отца.

Тетрадь он держал между матрасом и кроватью. Медсестра однажды спросила, что пишет. Он ответил: воспоминания. Она велела не засиживаться после отбоя.

На полях рядом со списком появлялись правила. Сначала короткие, затем всё подробнее.

«Положение не освобождает от наказания. Деньги не освобождают. Если закон отступил, решение принимаем мы».

Он ещё не знал, кто эти «мы». Но всякий раз оставлял

множественное число.

«Нельзя, чтобы все знали друг друга. Человек отвечает за порученное. Решение остаётся за тем, кто видит целое».

Тетрадь он снова спрятал. Составление правил давало занятие на следующий день. Весной 1975 года его выписали.

Родионов расписался в получении вещей, выслушал рекомендации и вышел. Возле ворот пришлось подождать: мимо прошла машина, обдав его талой водой. Он посмотрел на испачканные брюки и только потом заметил, что свободен выбирать, куда идти.

В тетради первыми стояли Алексей и Пётр Громы. Леонид закрыл её и убрал во внутренний карман.

На остановке спросил, когда будет автобус.

Пока ждал, повторял про себя два имени.

Часть третья. Встреча и рождение Протокола

1976 год. Ленинград. Ведомственный архив.

После выписки Родионов несколько месяцев искал работу. В конце концов его приняли на вспомогательную должность в ведомственный архив: помог человек, который знал его ещё по школе. Доступ ограничили, с читателями он почти не общался. К 1976 году он уже разбирался в размещении дел и знал, кому какие коробки выдают.

В первый день заведующая дала ему небольшой участок работы и несколько раз повторила, какие документы он может брать сам. Остальные выдавались отдельно.

— Не торопитесь показать, что всё знаете. Здесь хуже всего уверенная ошибка.

Родионов кивнул. Ему было неприятно начинать с того, что прежде поручили бы младшему сотруднику. Но он нуждался в работе и не мог позволить себе уйти после первой обиды.

Он разбирал коробки, сверял номера, переносил пачки из одного помещения в другое. К вечеру болела спина. В комнате дома ждала та же тишина, однако теперь хотя бы было понятно, зачем вставать утром.

Коллеги обращались с ним по-разному. Один говорил подчеркнуто бодро, словно с больным ребёнком. Другой ни-

чего не спрашивал и однажды просто оставил ему место у стола. С этим человеком Родионову было легче.

Постепенно он начал замечать расхождения: номер в описи, отсутствующий том, повторную выдачу дела одному и тому же сотруднику. Не всё означало нарушение. Иногда папку возвращали не на ту полку, иногда ошибались в записи. Родионов выяснял и исправлял, запоминая, у кого достаточно спросить и кто отвечает только после напоминания.

За аккуратность его начали хвалить. Ему нравилось, когда люди приходили с вопросом и ждали ответа. Он ещё не обладал большой властью, но уже знал несколько вещей, которых не знали те, кто его спрашивал.

Вечером он доставал больничную тетрадь. Теперь рядом с прежними правилами появлялись вопросы о конкретных делах. Доступа ко всему у него не было; он пытался понять, какие материалы можно получить через знакомых.

Когда Татьяна появилась у двери, Родионов сначала испытал почти служебное удовлетворение: ещё один человек пришёл именно к нему. Лишь потом увидел папку в её руках и понял, о чём пойдёт разговор.

Татьяна Светлова пришла с папкой, прижатой к груди. Они не виделись с 1974 года. Леонид узнал её сразу. Она посмотрела на него и задержалась у порога.

— Мне сказали, ты здесь работаешь.

— Теперь здесь, — ответил он.

Он подвинул стул.

Татьяна села и положила папку на край стола.

— Это мои копии. По Ире. Часть оригиналов я уже не могу получить. Мне нужно сохранить хоть это.

Леонид раскрыл папку. Свидетельские объяснения, снимки, выписки из заключений. Фамилию подозреваемого он увидел раньше остальных строк.

— Громов?

Татьяна кивнула.

— Я знаю про Настю. Хотела прийти. Потом не знала, куда тебя перевели.

— В больницу. После того, как я собрался к нему.

Она не стала спрашивать, зачем. Посмотрела на его руки, лежавшие поверх папки.

— У меня тоже всё остановили. Прошло больше двух лет. Он всё это время ходит.

— А мы носим бумаги из кабинета в кабинет.

Он открыл ящик стола и достал свой блокнот — тот самый, который вёл в палате №317. Там были записи, схемы, планы. Он протянул его Татьяне.

— Посмотри. Только не здесь. Возьмёшь с собой.

Она всё же раскрыла тетрадь. Прочитала первые страницы, вернулась к списку. Большим пальцем придерживала место с фамилиями Громовых.

— Ты собираешься их убить?

— Собираюсь сделать так, чтобы они ответили.

— Это я поняла. Я другое спросила.

Леонид не ответил. Татьяна закрыла тетрадь.

— Я прочту.

Она вернулась через несколько дней. Тетрадь положила перед ним, но руки не убрала.

— По одному мы ничего не сделали. Давай вместе.

Родионов открыл список на первой странице.

— Начнём с них.

— Кто это делает?

— Знаю человека. Был со мной в больнице. Рассказывал, что убил троих после нападения на дочь. Я не видел его дело. Но говорил с ним после выписки. Он согласен.

— И ты ему доверяешь?

— Для этого — да.

Позднее Родионов станет называть его Чистильщиком. Тогда это был ещё один человек, чьё имя он не внёс в тетрадь.

К осени 1976 года они подготовили первое убийство. Громов-младший часто бывал в ресторане на Невском. В тот вечер Леонид и Татьяна ждали неподалёку. Чистильщик остался ближе к выходу.

— Ещё можно уйти, — сказал Леонид.

Татьяна покачала головой.

Громов вышел один. Остановился прикурить. Татьяна узнала наклон головы: такой же был на фотографии в деле Ирины. Она сжала край рукава, чтобы не шагнуть из укрытия.

Чистильщик приблизился к нему. Всё произошло быстро. Громов пытался вырваться, ударился плечом о стену. Татьяна слышала скользящие по асфальту подошвы и хрип, но лица уже не видела.

— Лёня...

Родионов удержал её за локоть.

Нападавший вытащил нож. Когда Громов перестал двигаться, опустил тело и оставил рядом записку: «За каждое преступление — наказание. Справедливость восторжествовала». Затем ушёл, не оглянувшись на тех, кто его послал.

Татьяна стояла у стены. Ей казалось, что сейчас станет легче, но вместо этого затошнило. Леонид всё ещё держал её за локоть.

— Пойдём.

Об убийстве в отделе говорили вполголоса. В газете появились только официальные слова о смерти; подробности Татьяна узнала через знакомых. На похоронах были коллеги Петра Громова и люди, которым он помогал. Он стоял у гроба сына, принимая соболезнования.

Родионов вычеркнул первую фамилию.

Вторая осталась под ней.

Татьяна пришла вечером, после похорон.

— Он плакал, — сказала она.

— Настя тоже хотела жить, — ответил Родионов.

Через неделю Пётр Громов умер в машине. Причиной назвали сердечный приступ. Найденную при нём записку с той

же фразой убрали в материалы проверки, которые вскоре стали недоступны.

Родионов получил короткое подтверждение от Чистильщика и вычеркнул вторую фамилию. Ниже написал: «Выполнено».

Он закрыл тетрадь и поднял глаза на Татьяну, которая стояла у окна. Она смотрела на серый, дождливый Ленинград.

— Что теперь?

— Есть другие, — ответил Леонид.

Татьяна повернулась от окна.

— Сначала покажи мне дела.

Москва, 1976 год. Кабинет на Лубянке.

К осени 1976 года старшему лейтенанту Максиму Ушакову исполнилось двадцать семь. После первых лет службы в Ленинграде его перевели в московское подразделение. Среди полученных материалов были сведения о двух смертях: Алексея и Петра Громовых. Совпадал текст записок. Ушаков поднял старые данные о людях, обращавшихся с жалобами на эту семью.

Фамилию Родионова он помнил по школе милиции. Бывший курсант, недолгая работа в следствии, лечение, архив. Ушаков вызвал Соколова и передал ему папку.

Соколов был опытным оперативником, заметно старше Ушакова. Листал быстро, иногда возвращаясь на страницу назад.

— Что требуется?

— Проверить этих двоих. Родионова и Светлову. Связи, контакты. Кому могли поручить.

— На задержание готовить?

— Пока наблюдение. Докладывать мне.

Соколов поднял глаза.

— Хочу понять, как они действуют, — сказал Ушаков. — Раньше чем начнём их останавливать.

Он закрыл папку.

— И выясните, можно ли Родионова вернуть на службу. Через кого решается.

Соколов забрал материалы. Когда дверь закрылась, Ушаков сделал запись в личном блокноте.

«Родионов Л., Светлова Т. Оба потеряли близких. Предполагаемая связь с ликвидациями. Проверить возможность использования. Наблюдение продолжить».

Он закрыл блокнот и убрал его в сейф.

На полях поставил вопросительный знак.

В архиве Родионов раскрыл перед Татьяной следующее дело. Она читала долго, требовала показать приложения. Леонид ждал. После двух смертей её согласие уже можно было считать не обещанием.

— Свидетель один? — спросила она.

— Найдём остальных, — сказал Родионов.

ГЛАВА 3. ТРАГЕДИЯ ТЬМЫ

Часть первая. Сестра

Ленинград, 1973 год. Сентябрь. Квартира на окраине Выборгского района.

В двух комнатах коммунальной квартиры они с Ириной жили после смерти матери. На общей кухне по-прежнему стояла её банка с крупой; Татьяна несколько раз собиралась пересыпать крупу в другую, но оставляла как есть. В сентябре от окон потянуло холодом. Бумагу для оклейки она уже нарезала, клей ещё не сварила.

Мать умерла три года назад. Татьяне тогда было восемнадцать, Ирине — тринадцать. Теперь старшая училась в школе милиции и старалась успевать всё, что прежде делала мать: стирку, покупки, разговоры с учителями. Ирина всё чаще отвечала, что сама разберётся.

До осени они успели дважды поссориться из-за заработка. Ирина хотела после школы устроиться туда, где сразу дадут деньги, и отказывалась слушать про дальнейшую учёбу. Татьяна говорила, что сама её выучит. Обещание это звучало уверенно только до похода в магазин.

В августе Ирина принесла домой свёрток и положила на кровать новые туфли.

— Откуда?

— Заработала. Три блузки подшила.

Татьяна подняла туфлю за ремешок, посмотрела на подошву.

— Ты могла сказать.

— А ты могла спросить, нравятся мне или нет.

Размер оказался чуть велик. Ирина набила носки ватой и прошла по комнате, стараясь ступать естественно. Татьяна засмеялась первой, потом сестра. Они сели на пол, стали решать, чем заменить вату. Через неделю туфли перестали хлопать на пятках: знакомая соседки наклеила внутрь мягкие полоски.

Ирина умела находить таких людей. У неё всё время оказывалась подруга, у которой можно взять журнал, женщина из соседнего дома, согласная показать трудный шов, мальчик, понимавший, почему молчит приёмник. Татьяне это нравилось, пока знакомства не требовали её доверия.

Однажды она пришла домой и услышала незнакомый мужской голос. В комнате над раскрытым приёмником сидел худой паренёк в школьной куртке. Ирина держала для него настольную лампу.

— Это Слава, — сказала она сразу. — Он из девятого «Б».

— Уроки сделала?

Паренёк поднял голову. Ирина побелела.

— Потом поговорим.

Приёмник заработал ещё до ужина. Слава отказался от

чая и ушёл, почти не попрощавшись. Ирина спрятала отвёртку в ящик стола и до вечера не сказала сестре ни слова.

— Я не хотела тебя обидеть, — начала Татьяна.

— Ты хотела показать, кто здесь взрослый.

— Он мог бы сначала представиться.

— Он представился бы, если бы ты дала ему рот открыть.

Татьяна смотрела на неё и с раздражением узнавала собственную манеру стоять, уперев руки в бока. Ей казалось, что мать никогда не попадала в такие нелепые положения. Потом вспомнила, как сама в шестнадцать лет хлопнула дверью из-за совершенно такого же вопроса об уроках.

— В следующий раз позову его ужинать, — сказала она.

— Не надо сразу ужинать. Просто скажи «здравствуй».

Это оказалось труднее, чем Татьяна ожидала. Она привыкла считать заботой всё, что делала для сестры, и плохо различала, где забота кончается.

В сентябре Ирина заполняла какую-то школьную анкету и спросила, что писать в строке о родителях. Татьяна заглянула через плечо. Слова были простые, места хватало.

— Как есть.

— Я знаю как есть.

Ирина положила ручку. Татьяна села рядом. На кухне сосед спорил с кем-то по телефону; несколько раз громко повторил фамилию, потом связь оборвалась.

— Напиши меня, — сказала Татьяна. — Я приду, если вызовут.

— Ты же не мама.

— Я знаю.

После этого они долго молчали. Перед сном Ирина оставила ей у кровати кусок пирога, принесённого из школы. Татьяна съела его стоя, чтобы не крошить, и только тогда заметила, что сестра всё ещё не спит.

В тот вечер шестнадцатилетняя Ирина примеряла платье перед зеркалом. Повернулась боком, потом спиной и попыталась рассмотреть шов.

Платье она сшила по выкройке из «Работницы», из белой ткани, которую мать купила перед смертью. Воротничок пока держался на наметке.

— Тань, сзади ровно? Я сама не вижу.

— Ровно. Только нитку убери. И плащ наденешь.

— Надену. Я сегодня с ребятами. В парк.

Татьяна отложила полоску бумаги для окна.

— Кто будет?

— Наши. И ещё один знакомый. Он старше, работает уже.

— Насколько старше?

— Двадцать два. Не смотри так. У него отец директор, он на заводе. Подвезёт нас на «Волге».

— Куда подвезёт?

— Может, за город. Мы ещё не решили.

Татьяна подошла к зеркалу. Ирина перестала поворачиваться и посмотрела на неё через отражение.

— С незнакомым человеком за город не поедешь.

— Он тебе незнакомый. Я с ним разговаривала.

— Тогда пусть сюда зайдёт. Познакомимся.

Ирина закатила глаза.

— Ты с ним как на допросе будешь. Я просто погуляю. До одиннадцати вернусь.

Она надела плащ, поцеловала сестру и выбежала. Татьяна вышла за ней в коридор, хотела ещё раз спросить имя, но дверь уже хлопнула.

У окна она увидела, как Ирина оглянулась и помахала. Татьяна подняла руку в ответ.

В половине десятого она закрыла книгу: за час не прочла и пяти страниц. На общей кухне соседи закончили ужинать, один за другим уходили в комнаты. Татьяна осталась возле телефона.

Позвонила подруге Ирины. Никто не ответил. Повторила звонок через полчаса.

В одиннадцать накинула плащ и вышла. Дошла до места, где обычно собирались ребята, обошла соседние дворы. На скамейке сидели двое парней; один сказал, что видел Ирину раньше вечером, но она ушла.

Из телефонной будки Татьяна позвонила в отдел, где проходила практику. Дежурный записал описание и велел перезвонить, если сестра вернётся.

— Может, задержалась, — сказал он.

— Она бы предупредила.

Домой Татьяна вернулась после полуночи. В комнату не

пошла, села на табурет возле телефона. Соседка принесла ей чай. Татьяна забыла выпить; чашка так и стояла на полу.

Позвонили около трёх.

— Светлова? Приезжайте. В Московском парке Победы нашли девушку. При ней документы Ирины.

Татьяна спросила, жива ли она. Дежурный попросил не ехать одной. Соседка, услышав разговор, стала надевать пальто.

В парке работала группа. Татьяна увидела плащ на краю дорожки и пошла быстрее. Её попытались остановить.

— Нет, — прошептала она. — Нет, нет, нет...

Она всё же приблизилась. У белого воротничка торчала намёточная нитка, которую Ирина не успела убрать. Татьяна смотрела на неё и повторяла, что нужно позвать врача.

Майор Соколов, руководивший группой, отвёл её от тела. Она вырвала руку.

— Кто с ней был? Вы знаете?

— Пока нет. Расскажешь всё, что знаешь. Только отойди сейчас.

— Она говорила про машину. Тёмно-синюю «Волгу». Я не спросила имя.

Соколов позвал сотрудника записать её слова. Татьяна начала сначала: платье, ребята, обещание вернуться. Каждую фразу помнила почти дословно. Именно это потом будет мучить её — разговор можно было повторить целиком, изменить в нём уже ничего нельзя.

Часть вторая. Справедливость

Первую неделю Татьяна почти не бывала на занятиях. Приходила в отдел, ждала в коридоре, звонила. Свидетель видел, как Ирина села в тёмно-синюю «Волгу», но номер не запомнил. Водителя описал: молодой, светловолосый, в костюме.

— Она сама подошла к машине, — сказал он. — Я потому и не смотрел дальше.

Через две недели Соколов пригласил Татьяну в кабинет.

— Проверяем Алексея Громова. Сына Петра Громова, директора одного из заводов. Тебе эта фамилия знакома?

Она знала только то, что сказала Ирина. Директор, машина. Фамилии не было.

— Его задержали?

— Допросили. Отрицает. Говорит, был с друзьями в ресторане.

Соколов показал выписку из заключения. Волокна, найденные на одежде Ирины, были сходны с тканью автомобильного сиденья. Это подтверждало возможный контакт, но ещё не устанавливало убийцу. Свидетелю предстояло опознание.

— Значит, она была в его машине.

— Это проверяем.

Соколов закрыл папку.

— Мне уже звонили. Требуют не торопиться.

— А вы?

Он посмотрел на дверь.

— Я тебе сообщил всё, что могу.

— Мне этого мало.

Следующие месяцы она носила жалобы в разные кабинеты. Получала ответы с одинаковыми словами. Свидетель больше не был уверен, что сможет узнать водителя. Громов оставался на свободе. Когда Татьяна вернулась к занятиям, на её месте уже лежали чужие тетради; пришлось попросить их убрать.

В квартире она продолжала убирать Ирину комнату. Не потому, что ждала её возвращения. Просто не могла решить, кто теперь имеет право переставить вещи.

Классная руководительница принесла Ирины тетради в коричневой бумаге. Пришла вечером, когда Татьяна уже сняла форму и мыла пол в коридоре. Пришлось бросить тряпку в ведро и пропустить её в комнату.

Учительница села на самый край стула. Сначала говорила о похоронах, потом о том, что класс хочет собрать альбом. Татьяна отвечала коротко. Её раздражало, что женщина держит сумку обеими руками, словно опасается задержаться.

— Здесь не всё, — сказала учительница. — По литературе ещё у меня. Я проверяла.

— Оставьте себе.

— Может быть, позже...

— Зачем мне отметки?

Женщина замолчала. Татьяна отвернулась к окну и поняла, что нагрубила человеку, который принёс ей вещи через полгорода. Извиниться не получилось. Она спросила, не знает ли кто-нибудь из класса Громова.

Учительница назвала двух девочек, с которыми Ирина в последнее время гуляла. Их уже опрашивали. Татьяна записала имена ещё раз. Когда гостя ушла, развернула бумагу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.